

Стахеев Д.И.

**Собрание сочинений Д.И.
Стахеева**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С75

С75 **Стахеев Д.И.**
Собрание сочинений Д.И. Стахеева: Том 4 / Стахеев Д.И. – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 310 с.

ISBN 978-5-517-96687-2

С биографией М. Никольского, критическим этюдом П.В. Быкова и портретами автора.

ISBN 978-5-517-96687-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Съдой и удрученный не столько годами, сколько болѣзнию, купецъ Семенъ Игнатьевичъ Ивановъ сидѣлъ въ мягкомъ покойномъ креслѣ на балконѣ своего большаго каменнаго дома. Лѣто. Воздухъ чистъ и ясенъ. Предъ сидящимъ старикомъ открывается прекрасный видъ: внизу, подъ крутымъ обрывомъ берега, на которомъ стоитъ его домъ, начинаются раздольные поемные луга съ озерами и зеленью и блескомъ солнца, отражающимся въ зигзагахъ вьющейся въ этой зелени рѣчки. Идутъ эти луга далеко, вплоть до самыхъ береговъ широкой многоводной рѣки, разливающейся по веснѣ безбрежнымъ моремъ по этимъ лугамъ. Тогда видъ съ балкона, на которомъ сидитъ теперь Семенъ Игнатьевичъ, еще красивѣе, и въ особенности въ то время, когда разливъ поды въ полной силѣ и пароходы подходятъ почти къ самому дому Семена Игнатьевича, считающемуся лучшимъ домомъ во всемъ городѣ Малиновскѣ. И теперь, среди лѣта, когда вода уже сошла съ луговъ и зелень царитъ на нихъ во всей своей красотѣ и силѣ, видъ на луга и на отдаленную рѣку и восходень. Тянутся по этой рѣкѣ разнообразныхъ мѣ и размѣровъ суда, и баржи, и росшивы, и гуса ихъ, сверкая на солнцѣ своей бѣлизной, долго, долго замѣтны изъ города, и долго иной разъ смотреть въ нихъ горожанинъ, наблюдая, какъ, по мѣрѣ своего теченія, уменьшаются и тускнѣютъ паруса, увлекака

за собою его мысль. Бѣгутъ по рѣкѣ пароходы, шумя колесами и спѣша перегнать одинъ другого, для того, чтобы успѣть первому захватить съ пристани города Малиновска пассажировъ, расплачивающихся иногда за эту погоню собственною жизнію. Просвиститъ, прощумитъ пароходъ, застелетъ потомъ густымъ чернымъ дымомъ и пристань, и противоположный гористый берегъ рѣки и, минуты двѣ-три спустя, уже не видно его, и только черная полоса дыма отъ его трубы остается нѣкоторое время въ воздухѣ.

Хорошъ видъ съ кругого берега города Малиновска,—и въ особенности въ ясный, солнечный день, когда противоположный, гористый берегъ рѣки обрисовывается не только со всѣми своими селами и ихъ храмами, но и со всѣми разнообразными оттѣнками красотъ лѣса и долинъ, идущихъ вдоль рѣки и вправо и влѣво и тянущихся далеко, далеко, пока глазъ можетъ различать предметы.

Сидитъ Семень Игнатьевичъ на балконѣ и чуть ли ему не кажется вся эта мѣстность чѣмъ-то новымъ, никогда до этого часа невиданнымъ, хотя онъ знаетъ ее съ первыхъ дней своего дѣтства. Сидитъ онъ на балконѣ, или, вѣрнѣе сказать, полулежитъ, и ноги его, окутанныя пледомъ, покоятся на подложенной подъ нихъ подушкѣ. Самъ онъ тоже въ достаточной степени со всѣхъ сторонъ обложенъ подушками и окутанъ пледомъ. Видно, что человекъ боленъ и не самъ пришелъ на балконъ, а чуть ли даже не на рукахъ вынесенъ сюда слугами. Лицо его блѣдно, и сильно сквозь эту блѣдность пробивается желтизна, глаза ввалились, и борода, когда-то пушистая и окладистая, широкой массой красовавшаяся въ дни здоровья на груди его, теперь смотритъ какимъ-то скомканнѣмъ пучкомъ и уже обрѣзана, по причинѣ болѣзни, бо е чѣмъ наполовину. Здоровье его до сихъ поръ бо крѣпкаго русскаго закала. Руки—это клещи, спи — что твой столъ и въ плечахъ, какъ говорится, ко я сажень... «Все во мнѣ прилажено подъ стать,—думъ ть

онъ и теперь, смотря на свои большія жилистыя руки,—да вотъ, поди-жь ты, статья какая—ослабъ!»

Заболѣлъ Семень Игнатьевичъ, давно уже слегъ въ постель, да вотъ сегодня ему полегче — и попросилъ онъ у доктора позволенія на балкончикѣ посидѣть

Прежде, если ему случалось иной разъ выйти на балконъ своего прекраснаго дома, онъ быстрымъ соколинымъ взглядомъ окидывалъ всѣ пристани, амбары и кладовыя, десятками настроенные внизу у самаго берега рѣки, и сразу онъ видѣлъ, все ли тамъ въ порядкѣ и то ли дѣлають, что нужно, его служащіе, рабочіе, приказчики, довѣренныя и т. п. люди. Потомъ онъ, бывало, оглянетъ улицу, и все видитъ,—видитъ, что проходятъ мимо его дома какіе-то скромные, точно кипяткомъ ошпаренные люди въ зипунахъ и низко кланяются, проходя мимо балкона; видитъ, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи и какъ сидящіе въ нихъ кланяются, глядя вверхъ, именно на него, стоящаго на балконѣ—и радуется его душа всему этому. Теперь же сидитъ онъ на балконѣ и точно также всѣ мимо проходящіе отвѣшиваютъ ему поклоны, и одинаково, какъ тѣ, которые смотрятъ пришибенными и ошпаренными кипяткомъ, такъ и тѣ, которые сами принадлежатъ къ числу ошпаривающихъ и жирѣющихъ на чужой счетъ... Но теперь Семень Игнатьевичъ не видитъ этихъ поклоновъ. Съ нимъ произошло превращеніе, положимъ, временное, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ его здоровья, но все-таки произошло превращеніе, и видитъ онъ то, что прежде, до этого времени, оставалось для него во мракѣ, заслоненное разными амбарами, приказчиками, счетами и расчетами. Видитъ онъ нѣчто совершенно новое, никогда прежде невиданное, и думаетъ онъ теперь! — «что это такое? много, что это я,—жилъ, жилъ, больше пятидесяти лѣтъ прожилъ, а ничего такого прелестнаго, что вижу теперь, никогда не видывалъ. Вѣдь, какъ это хорошо, какъ эти облачка-то чудесно по полю плывутъ, какъ это свѣтъ-то солнца хорошо въ

зелени-то и какъ все въ разныхъ мѣстахъ посвоему—гдѣ потемнѣе, гдѣ посвѣтлѣе—удивительно! И птички-то, птички, какія онѣ веселыя и живыя! Эхъ, мало я раньше-то на это смотрѣлъ, все какъ-то не замѣчалъ, да и все какъ-то некогда было, а теперь вотъ вижу, да и жаль... Много больно годовъ-то прошло... Но вотъ, Богъ дастъ, поправлюсь, насмотрюсь... Полно, полно съ дѣлами-то все возиться, надо и отдыхъ знать. Поправлюсь, поѣду въ Крымъ: очень одобряютъ тамъ мѣста, и море, говорятъ, изъ оконъ видно, какъ вотъ, напримѣръ, у меня теперь съ балкона; виноградъ на волѣ растеть... Такъ-то вотъ, живемъ, все около денегъ, все вокругъ нихъ вертимся, а настоящаго житья и не отвѣдаемъ, каково оно есть на свѣтѣ... Господи, дай только поправиться; поѣду смотрѣть на море, на винограды»...

Подъ впечатлѣніемъ такихъ пріятныхъ мыслей онъ дремалъ и переносился въ другія края, гдѣ вѣчно синее небо. Но проходила дремота, проходили съ нею хорошія минуты—и больной Семень Игнатьевичъ начиналъ томиться другимъ.

«Что это, Господи, какое на меня затмѣніе находится», думалъ онъ, тревожно ворочаясь въ креслѣ: «что я, ротъ-то разиня, сижу здѣсь».

Глаза его по привычкѣ обратились къ амбарамъ, къ кладовымъ, гдѣ суетилась масса рабочихъ сваливая какіе-то грузы съ возовъ и перетаскивая ихъ въ амбаръ. Семень Игнатьевичъ хотѣлъ-было подняться на ноги, крикнуть, туда внизъ, спрашивая, какой это грузъ сваливаютъ; но ему не служатъ ноги — «ходу нѣтъ», какъ говоритъ онъ самъ, да и голосъ слабъ не только для крика, но и для обыкновеннаго разговора. Хотѣлъ бы онъ спросить кого-нибудь изъ своихъ служащихъ, да по-близости никого нѣтъ.

Онъ сдѣлалъ слабый поворотъ головой къ дверѣ балкона, гдѣ стояла, прислонившись къ дверному осяку, какая-то старушка и безучастно смотрѣла въ даль, причемъ, замѣчая то или другое движеніе э-

мена Игнатьевича, она каждый разъ пугливо оправлялась отъ своей задумчивости. Теперь она снова замѣтила его движеніе и поспѣшно подошла къ нему съ вопросомъ:

— Не нужно ли вамъ что-нибудь?

— Пошлите узнать, вонъ, тамъ, видите... въ амбарахъ,—слабо проговорилъ онъ—и замолкъ.

Старушка подождала продолженія его словъ и переспросила.

— Такъ что же узнать?

Онъ вмѣсто отвѣта отмахнулся отъ нея рукой и сухо проговорилъ.

— Не нужно. Я вспомнилъ...

Старушка молча отошла къ дверямъ балкона и опять стала смотрѣть безучастно въ даль.

Семень Игнатьевичъ закрылъ глаза.

Спустя нѣкоторое время его перенесли съ балкона въ кабинетъ: усталъ, говоритъ, сидѣть. Но не смотря на видимое физическое безсиліе, голова его по прежнему неустанно работаетъ. Широкій лобъ то морщится, то разглаживаются его морщины и въ глазахъ, теперь потускнѣвшихъ, снова появляются тѣ искры блеска, которыя такъ знакомы всѣмъ помнящимъ Семена Игнатьевича въ его здоровомъ состояніи. Порою онъ стонетъ, говоритъ жалобнымъ голосомъ; но эти стоны и жалобы не останавливаютъ его думъ, перебѣгающихъ отъ Малиновска въ Петербургъ, въ Рыбинскъ и во многіе другіе города и мѣстечки Русскаго царства, но только не въ Крымъ и не къ его виноградникамъ.

— Время-то, время-то какое горячее, совсѣмъ бы не до хвори теперь; надо бы и туда, и сюда смазать и на-счетъ женитьбы сына погорячее приложить старушку, а замѣсто того—вотъ тебѣ кровать одна. «Дѣла мои,—не разъ говаривалъ онъ,—все равно, что большая машина, умѣнье надо ей править, то есть—чужимъ, значить, съ толкомъ. Запусти въ одномъ мѣстѣ, и выскочитъ колесо—затрепещетъ вся машина, и осколки полетятъ во всѣ стороны».

Въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Семень Игнатьевичъ положеніе своихъ дѣлъ. Онъ русскій человѣкъ и, выражая свои мысли, любитъ подкрѣплять ихъ сравненіями, сразу опредѣляющими значеніе предмета.

— Ошарашило! — бормочетъ онъ теперь о своемъ безсиліи, — голова кругомъ идетъ, точно меня кто съ колокольни брякнулъ.

ГЛАВА П.

Не смотря на то, что у Семена Игнатьевича своихъ дѣлъ довольно, онъ успѣваетъ и обществу служить. Онъ директоръ малиновскаго общественнаго банка и собственныхъ векселей его теперь въ этомъ банкѣ, какъ говорится, непочатый уголь. Приходятъ сроки векселямъ, переписываются они на другую бумагу, въ книгахъ обозначается уплата и на новыхъ векселяхъ пишутся новые сроки—и дѣло чисто, и Семену Игнатьевичу спокойно.

Правда, поругиваютъ его подъ рукой мѣстные мелкопромышленники, жалуются, что онъ ссуды совсѣмъ имъ не даетъ, но это Семена Игнатьевича не очень беспокоитъ. Приходитъ, наприимѣръ, къ нему въ банкъ мелкопромышленники просить ссуды, онъ ласково встрѣчаетъ ихъ въ отвѣтъ на подаваемыя ими прошенія о выдачѣ ссудъ отечески поучаетъ:

— Ссуда, — говоритъ имъ Семень Игнатьевичъ, — дѣло тонкое, она, что твоя красная дѣвица, заманчива и притягиваетъ къ себѣ малодушнаго человѣка. Берегитесь, братцы вы мои, ссуды, берегитесь: теперь у васъ, какъ вотъ видно и изъ документовъ вашихъ, есть и домишки, и то, и другое, а вѣдь въ срокъ не заплатите ссуды, все это ваше трудовое добро — молотка пойдетъ ни за копейку.

Слушаютъ мелкопромышленники и молчатъ, покрививъ головы, пока Семень Игнатьевичъ убѣждаетъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Кончитъ онъ увѣрять, начнетъ перебирать свои директорскія бумаги, массами всѣ

наваленныя на столѣ «для большей внушительности», и поглядываетъ искоса на переминающихся съ ноги на ногу искателей мелкаго кредита, ожидая ихъ выхода изъ банка; но они продолжаютъ переминаться и не идутъ, перешептываются между собой односложными словами и, наконецъ, кто-нибудь болѣе смѣлый «буркнетъ»:

— Ужъ вы, Семень Игнатьевичъ, удостойте, со-
благоволите разрѣшить, большая естъ надобность...
Залоги наши, какъ изволите видѣть, очень благона-
дежны, домишки все же какіе ни на естъ, а застра-
хованные и оцѣнка вотъ городомъ же самимъ и про-
изведена... Соблаговолите ссуду...

— Вѣдь я ужъ вамъ, братцы вы мои, сказалъ,
развѣ вы не поняли...

— Мы очень чудесно все поняли, да вотъ только
на счетъ ссуды-то; соблаговолите, помилосердуйте...

— Дома наши залогомъ служатъ... и вотъ теперь
оцѣнка сдѣлана и страховка, все въ настоящемъ по-
рядкѣ и въ лучшемъ видѣ...

Просители кланяются, мнутъ въ своихъ жилистыхъ,
загорѣлыхъ и замозоленныхъ рукахъ шапки и ждуть
отъ директора милости, точно просятъ у него «ради
Христа».

Семень Игнатьевичъ косится, то на того, то на
другого изъ просителей, хмуритъ свои густыя сѣдыя
брови и погружается въ разсмотрѣніе бумагъ, коротко
и сухо промолвивъ:

— Ну, хорошо, я рассмотрю. Приходите на-дняхъ...

— Да ужъ и то ходимъ, отецъ, другу недѣлю...
Удостойте...

— Нельзя же братцы вы мои, такъ вотъ вдругъ
аскрыть ящикъ; знаете, деньги общественныя. Вамъ
ѣстно, помните, главный жертвователь, положившій
исти-то тысячъ на вѣчныя времена въ этотъ банкъ,
) завѣщаль при смерти, помните, читывалъ здѣсь же
общемъ собраніи, читывалъ вѣдь не разъ...

— Помнимъ, какъ же-съ... Вамъ, Семень Игнатье-

вичъ, обязаны и тѣмъ, что онъ вкладъ сдѣлалъ въ нашъ банкъ... На этомъ всегда благодарны...

Искатели мелкаго кредита кланяются, убоготво-ряютъ Семена Игнатьевича, и хотя очень хорошо знаютъ, что умершій жертвователь двухъ сотъ ты-сячъ, жертвуя ихъ банку, настаивалъ, чтобы ссуды были выдаваемы всего болѣе «мелкими суммами»; но, зная объ этомъ, они молчатъ, они люди опытные, по-нимаютъ, что такое замѣчаніе раздражитъ Семена Игнатьевича и напираютъ всего болѣе на восхваленіе его добродѣтелей.

Такъ добиваются они ссуды и иной разъ успѣшно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ са-мого Семена Игнатьевича нѣтъ большой надобности въ деньгахъ.

ГЛАВА III.

Семень Игнатьевичъ человѣкъ дѣятельный. Бывало, въ здоровомъ состояніи утро его подниметь съ постели въ то время, когда еще полъ-города спитъ въ глубо-комъ снѣ, пьетъ онъ наскоро чай, въ какія-нибудь де-сять минутъ опростаеть стакановъ пять, шесть чаю и—улетѣлъ изъ дому. Куда? Никто не знаетъ. Гдѣ былъ Семень Игнатьевичъ? — спрашиваютъ потомъ кучера.

— Гдѣ былъ! — недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ кучерь:—были въ разныхъ мѣстахъ: мнѣ еще попало въ шею—долго, говорятъ, запрягалъ лошадей, спишь, говорятъ, на козлахъ, не браво сидишь... Пойди, угоди ему!

— Но все же, куда ѣздили?

— Ыздили много: въ шестомъ часу погнали, а вотъ ужъ къ полудню дѣло идетъ, все гоняли. На заволъ были, на пристани были, а опосля того въ сосѣдн деревню къ попу ѣздили—тамъ чай пили; ну, а пото и пошли кружить съ девятаго-то часу по городу, одного конца въ другой... Ишь, вонъ лошадь-то какъ вся въ мылѣ...

Такъ иногда, покруживъ полъ-дня, Семень Игнатьевичъ другую половину дня сидитъ въ кабинетѣ и никто его не видитъ; что онъ тамъ дѣлаетъ—для всѣхъ тайна. Столъ заваленъ бумагами и погруженъ въ нихъ Семень Игнатьевичъ. Перечитываетъ онъ письма да телеграммы, съ непонятными никому извѣстіями о какихъ-то шкурахъ да мѣхахъ, да орѣхахъ, о которыхъ въ его торговыхъ книгахъ никогда никакого помину нѣтъ. Оказывается, что подъ этими вымышленными названіями подразумѣваются названія другихъ товаровъ, а какихъ? — знаетъ только самъ Семень Игнатьевичъ. Такъ пробудетъ онъ въ строгомъ уединеніи нѣсколько часовъ, сдѣлаетъ на письмахъ помѣтки и разъясненія для конторы и ушлетъ ихъ потомъ главному конторщику. Глядишь, опять вскочилъ съ кресла, облекся въ одну минуту въ черную суконную пару, шляпу надвинулъ на свой широкій лобъ, перчатки натянулъ на могучія, хотя и сильно уже морщинистыя руки и полетѣлъ на сѣромъ рысакѣ, рыская по городу вдоль и поперекъ. Прошелъ день, другой—у него обѣдъ, угощаетъ онъ всѣхъ на славу, наговариваетъ гостямъ любезности и въ кабинетъ уже успѣлъ нужныхъ людей отвести. Для этого момента, можетъ быть, и самый вечеръ устраивался. И въ то время, когда гости отплясывали подъ звуки музыки, молчаливый конторщикъ уже обдѣлывалъ въ кабинетѣ разные переводы, отсрочки, перезалоги. И въ такіе трудные дни, устройвъ, наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ, свои денежные дѣла и отходя съ болѣе или менѣе спокойнымъ духомъ ко сну, вспоминаетъ иногда Семень Игнатьевичъ тѣ свои молодые годы, когда онъ былъ свободенъ отъ долговъ и всякихъ общественныхъ и другихъ связей. Видитъ онъ себя молодымъ человѣкомъ, съ маленькой черноватой юдкой, въ длиннополомъ сюртукѣ съ ухватками лица-кудрявича, и руки въ боки, и ногами козыряетъ рукава поддергиваетъ, чтобы, значить, пальцамъ по свободнѣе. Какъ легко на душѣ-то было, — думаетъ онъ: — нѣтъ тебѣ заботъ о долгахъ или о томъ,

о другомъ, что теперь давя давить, нѣтъ тебѣ тревоги, какъ жить, какъ выбиваться изъ хомута, въ который залѣзъ, да вѣдь залѣзъ-то какъ—и самъ не замѣтилъ, вѣдь исподволь, помаленьку, не торопясь... Именно, какая кому судьба: а все жадность наша, хорошо было, нѣтъ—надо лучше. Есть выгоды,—нѣтъ, надо больше. А тамъ и пошло и пошло... У того домъ хорошъ—мнѣ такой же надо, у того архіерей въ гостяхъ бываетъ—и мнѣ тоже надо. Зачѣмъ? спросить—и не отвѣтишь; такъ одна амбиція... Хорошо еще, когда все ладится да клеится, а какъ вотъ все неудачи: тамъ сорвется да тутъ обломится, а платежи не ждутъ, они знать этого не хотятъ,—и томится душа-то, какъ у чорта въ лапахъ. Оно, конечно, положеніе мое видное, да какой цѣной оно покупается... Ахъ, еслибъ знать да вѣдать объ этомъ прежде, никогда-бъ и никто бы меня не заманилъ. Жилъ себѣ тихо, смирно, какое дѣло, что у товарища господинъ губернаторъ въ домѣ бываетъ: что мнѣ въ этомъ пріятности, канитель одна, да хлопоты!.. А вѣдь какъ тогда въ тѣ молодые годы все это было заманчиво! Да времена то нынче какія стали, силушки нѣтъ! Покойный родитель торговалъ всего на десять тысячъ ассигнаціями, а какой почетъ имѣлъ вотъ здѣсь же, въ этомъ же нашемъ Малиновскѣ... Не было ни этихъ пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ паче распроклятыхъ банковъ, которые теперь нашего брата давя давятъ. Торговалъ тогда каждый, смотря по своимъ средствамъ, и почетъ имѣлъ настоящій. Теперь вотъ что понадѣдали: фонари, да панели, а жить стало хуже. Да и нашъ братъ тоже другой человѣкъ сталъ. Нынче на медали-то, ежели кто посообразительнѣе, и глазомъ не моргнуть, всякій норовитъ орденъ, да не въ петлицу, а чтобы на шею... а не то и прямо въ генералы. развѣ такъ бывало прежде? Бывало медальку-то зоркую во-снѣ увидишь—недѣли три благодать себѣ чувствуешь. При этой мысли воскресаетъ въ памяти (мена Игнатъевича то счастливое время, когда онъ вл